

Кир Булычев

Будущее начинается сегодня

*Часть сборника
Монументы Марса (сборник)*

Веревкин

Кир Булычев

Будущее начинается сегодня

«ЭКСМО»

1998

Булычев К.

Будущее начинается сегодня / К. Булычев — «Эксмо»,
1998 — (Веревкин)

«Сергей Сергеевич был жестоко простужен, и, наверное, поэтому все
выборное действо проходило перед его взором в некотором тумане. Он мечтал
об одном: чтобы этот день наконец завершился, и неважно, кто победит. Он
пытался даже отпроситься после обеда, но председатель избиркома сказал:
„Ты с ума сошел! Сейчас с огородов народ хлынет“...»

Кир Булычев

Будущее начинается сегодня

Я знал одного мудреца, который даже зажимал нос, как только приходилось поднимать завесу будущего.

М. Салтыков-Щедрин.

«Помпадуры и помпадуриши»

Сергей Сергеевич был жестоко простужен, и, наверное, поэтому все выборное действо проходило перед его взором в некотором тумане. Он мечтал об одном: чтобы этот день наконец завершился, и неважно, кто победит. Он пытался даже отпроситься после обеда, но председатель избиркома сказал: «Ты с ума сошел! Сейчас с огородов народ хлынет».

И тут же вылезла Митрофанова, заявившая, что необходимо доставить урну пенсионерке Самохваловой на Лесистую, 20, потому что у нее (пенсионерки) отнялись ноги, но она желает выполнить свой гражданский долг.

И вот тогда Сергей Сергеевич взбунтовался. И поставил условие: он пойдет с урной, но требует сопровождающее лицо, которое эту урну вернет на участок. А сам он отправится домой, болеть.

После небольшого спора Сергей Сергеевич отстоял свое право умереть в домашних условиях. Они пошли вдвоем с Мишенькой из техникума, а за ними увязался наблюдатель от национально-патриотической партии, Ким Корай, приехавший в Веревкин с юга, а потому обозленный на всех кавказцев и прочих лиц темноволосых национальностей.

Идти было недалеко, одну автобусную остановку, но пешком. Мишенька, невысокий увальень с проводом в ухе, с помощью которого он наслаждался тяжелым роком, нес урну, прижав к груди. Сергей Сергеевич брел за ним, а маленький, высушенный жизненными неладками и нелюбовью Ким Корай старался идти рядом и все сбивался на рысь.

– Мы наладим нормальную жизнь, – говорил он. – Потому что имеем концепцию очищения национальной идеи. Барбудов прошел Афган и Чечен, всюду налаживал. Хватит нам расхлябанности. Понастроили коттеджей из гранита на вольных просторах, а мы задыхаемся в коммуналках.

Он и еще что-то говорил, но Сергей Сергеевич слушал плохо.

Ким Корай жил в собственном, изобретенном им с помощью еженедельника нацпатриотов «Налево!», приятном и тревожном мире. Там он сводил счеты с врагами, изгонял чужаков, наводил порядок и твердое распределение.

Мишенька был аполитичным молодым человеком, он хотел торговать кассетами, но оказался слишком ленив, и кассетами торговали другие, которых Ким Корай не любил.

Ким Корай сказал, что пошел с ними потому, что от каждого голоса может зависеть будущее.

Сергей Сергеевич не верил в это и, как человек пожилой, был убежден, что будущее идет своим ходом и не зависит от отдельных голосов.

Пенсионерка Самохвалова долго не отзывалась. У Сергея Сергеевича кружилась голова, ноги стали ватными. Наконец она открыла дверь. Самохвалова была разочарована приходом людей с урной, потому что, призналась, уже начала писать жалобу на игнорирование прав пенсионеров.

В нарушение всех правил Ким Корай принялся говорить ей о том, что пора гнать цветных и наводить порядок. Старуха сказала: «Я думала, что евреи уже уехали». «Не только в евреях наши проблемы, – ответил Корай, – хотя и в сионистах, конечно». Бабуся велела всем выйти в коридор. Сергей Сергеевич боялся, что потеряет сознание и не дожидется, когда пенсионерка наконец заполнит бюллетень.

Потом они вышли на улицу, и Сергей Сергеевич сказал Мишеньке:

– Урну никому не отдавать!

– Не нужна мне ваша урна, – обиделся Корай.

Он стоял перед портретом Барбудова. Барбудов был в черном мундире без знаков различия, он протягивал руку вперед, за его спиной колосилась нива, а над головой было начертано: «Путь к изобилию!»

Сергей Сергеевич пошел домой. На площади репродуктор выплескивал песни шестидесятых годов, люди ходили умытые и одетые на полпути к празднику – так одеваются в гости к свекрови.

Дома Сергей Сергеевич согрел себе чаю.

Потом надел шлепанцы.

Избирательная кампания была сложной и бурной, старый городской голова Пичугин – или, по-современному, мэр – нажимал на то, что сделано. Хотел идти по старому пути. Область обещала немедленно осыпать город благодеяниями, если Пичугин возьмет верх над Барбудовым. Но Пичугин уже обеспечил детей и родственников, и все шло к тому, что Барбудов, хоть чужой и даже пугающий обывателя, может взять верх.

Сергей Сергеевич напился горячего чаю, заставил себя лечь и закрыть глаза. Кровать как будто покачивалась на волнах.

В глаз Сергею Сергеевичу ударил яркий луч света. Было позднее утро. Свет был странным, как будто кварцевым и даже сопровождался запахом близко пронесшейся молнии.

Сергей Сергеевич старался понять, что же его разбудило.

Ага, звонок в дверь.

Он поднялся, откинул плед. Он всегда спал на диване, и не потому, что числился в старых холостяках: такова была генетика потомка мелкопоместных дворян, для которых диван был мужским ложем, а кровать – женским и любовным.

Сергей Сергеевич открыл дверь.

Там стояла Зинаида из жэка.

Она была бледна и даже напугана.

– Вальков? – формально спросила она и протянула Сергею Сергеевичу ведомость. Ткнула пальцем в графу, где расписаться. Потом молча сунула ему книжку оплаты коммунальных услуг.

Дверь закрылась. Сергей Сергеевич раскрыл книжечку. Первая же страница грозила: «Запрещается передавать в чужие руки. Действительно только при предъявлении удостоверения № 2».

Вторая страничка была разграфлена на квадратики, и каждый обещал: «Сахар – 500 г». Следующая страничка была посвящена маслу, только нормы оказались поменьше: «Масло – 200 г».

Сергей Сергеевич поглядел на обложку. На ней возникли буквы:

ТРЕТИЙ КВАРТАЛ.

Сергей Сергеевич решил позвонить на избирательный участок. Но на звонок никто не откликнулся.

Избирательный участок располагался в школе, где Сергей Сергеевич преподавал биологию. И учитель решил отправиться туда, тем более что простуда и недомогание прошли.

Улица была пустынна. До революции она называлась Николаевской, потом, в двадцатых, получила экзотическое наименование Поезд Троцкого, а с конца двадцатых и до разоблачения культа личности была улицей Кагановича. Затем ей суждено было несколько лет побыть Целинной улицей, и вот теперь она снова стала Николаевской... ан нет! Какой-то шутник сорвал табличку «Николаевская» и вернул старую – «Целинная». Кому это понадобилось?

И тут Сергей Сергеевич увидел двух молодых людей в черных мундирах со множеством скрипящих черных ремней. На груди у каждого висел автомат.

– Стой, – сказал один из них. – Документы!

– Доброе утро. – Сергей Сергеевич уважал любую законную власть, но никогда не заискивал перед ней. – У меня нет с собой документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.